

Полилог/Polylogos. 2013-2018

ISSN 2587-7011

URL - <http://polylog.jes.su>

Все права защищены

№ 2 Том 2. 2018

Возможности и перспективы национальной консолидации в современной России: критика унитаристских подходов

Летняков Д. Э.

кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института философии РАН

Российская Федерация, Москва, 109240, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1

Аннотация

Тезис о кризисе идентичности и недостатке национальной консолидации в постсоветской России стал сегодня общим местом отечественной гуманитаристики. При этом с завидной регулярностью возобновляются попытки в качестве выхода из этого кризиса предложить россиянам какой-то вариант национальной идеи или набора объединяющих ценностей. Автору, однако, все подобные решения кажутся если не опасными, то, по крайней мере, весьма сомнительными. В статье показывается, что любое общество непредставимо без культурного, ценностного, морального, эстетического и прочих видов разнообразия, а потому движение к национальной консолидации возможно только через формирование российской идентичности во всей ее сложности и многогранности.

Ключевые слова: идентичность, национальная консолидация, Россия, национальная идея, ценностный консенсус, культурное разнообразие, либерализм, коммунитаризм

Дата публикации: 01.08.2018

Ссылка для цитирования:

Летняков Д. Э. Возможности и перспективы национальной консолидации в современной России: критика унитаристских подходов // Полилог/Polylogos. 2018. Т. 2. № 2 [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://polylog.jes.su/s258770110000042-8-1> (дата обращения: 01.08.2018). DOI: 10.18254/S0000042-8-1

¹ Количество написанных за последние годы книг и статей, проведенных научных конференций и семинаров, где бы рассматривалась проблема современной российской идентичности, ее кризис и возможные пути выхода из него, не может не впечатлять¹. При этом обращает на себя внимание следующая тенденция: размышляя о кризисе российской идентичности, отечественная гуманитаристика нередко усматривает его истоки в нехватке в нашем обществе какого-то объединяющего начала. В более мягком варианте речь идет о «социокультурном расколе», об отсутствии в сегодняшней России ценностного консенсуса, под которым обычно понимается согласие по поводу наиболее важных, основополагающих ценностей, норм и идеалов, но порой авторы доказывают и необходимость базовой интегрирующей доктрины (национальной идеи или даже государственной идеологии), которая сможет придать какой-то высокий смысл жизни наших сограждан. В противоположность этому основная идея данной статьи заключается в критике любых унитаристских рецептов, советов сплотиться и сомкнуть ряды, и, соответственно, в поиске альтернативных ресурсов для выстраивания современной российской идентичности.

² Кризис самоидентификации в постсоветской России

³ Для начала стоит определиться с тем, что именно мы понимаем под «кризисом идентичности», в котором оказалось российское общество после 1991 г. Довольно часто рассуждения об этом кризисе иллюстрируются тем, что наши соотечественники, что называется, потеряли ориентиры – они не могут внятно сформулировать для себя ответ на вопрос о том, кто мы, какова наша «цивилизационная» идентичность, в каком направлении нам следует развиваться, кто является положительными и отрицательными героями в нашей истории, как нужно оценивать революцию 1917 г., распад СССР и пр. Но, на мой взгляд, все перечисленное само по себе еще не является симптомом какой-то серьезной общественной патологии, и дальше, когда мы будем говорить о перспективе ценностного консенсуса в России, я попытаюсь это доказать.

⁴ Пока же позвольте ограничиться замечанием, что проблема заключается все-таки не в разном отношении россиян к личности Ленина, к событиям перестройки или к вопросу о том, является ли наша страна частью европейской цивилизации – плюрализм мнений в обществе по таким вопросам является

вполне нормальным явлением². Действительная же проблема состоит в том, что у нас до сих пор нет сколько-нибудь устойчивого консенсуса *по самым базовым вопросам* социального бытия, начиная от самоназвания политического сообщества (слово «россияне» так и не стало пока общеупотребительным, но часто используемая альтернатива «русские» для обозначения всех граждан страны также не принимается многими нашими соотечественниками, которые справедливо видят в этом слове очевидные этнические коннотации) и заканчивая вопросом о его легитимных границах – скажем, весьма популярно исключение Северного Кавказа из «воображаемого сообщества» под названием «российская нация» (здесь на ум приходит не только лозунг националистов «Хватит кормить Кавказ», но и многочисленные примеры бытовой ксенофобии, в равной степени распространяющейся на всех людей «неславянской» внешности, в т.ч. на выходцев из российской части Кавказа). Все это означает отсутствие фундаментального основания для любой коллективной самоидентификации – четкой границы между «Мы» и «Они». Такое серьезное рассогласование по самым основным вопросам («как Нас называть, кого к Нам относить, какими Нас представлять»³) закономерно ведет к низкому уровню доверия и солидарности в российском обществе, к неготовности людей объединяться с другими членами политического целого для решения собственных проблем⁴.

⁵ К симптомам кризиса идентичности я также отнес бы чрезмерную лабильность взглядов, которая отражает ценностные метания российского общества и отсутствие у многих людей четких мировоззренческих координат. Скажем, социологические опросы фиксируют, что всего за пять лет вдвое сократилось число россиян, «в некоторой» или «в значительной степени» считающих себя европейцами (с 52 до 25%), за тот же короткий период стало втрое меньше респондентов, полагающих, что России следует «идти по пути развитых стран Запада» (20% против 60%)⁵. Столь же значительные колебания общественного мнения наблюдались в разные годы и в отношении демократии, рыночной экономики и ряда других ценностей. Иными словами, беда не в том, что россияне в принципе разделены на условных «западников» и «самобытников», либералов и сторонников «сильной руки», а в том, что одни и те же люди определяют себя то в качестве первых, то вторых, не имея сколько-нибудь ясных ценностных ориентаций.

⁶ Причины сложностей с самоидентификацией российского общества очевидны – столь масштабные изменения, случившиеся со страной после 1991 г., просто не могли пройти бесследно для коллективного самосознания. Уже одно крушение СССР, в котором территория нынешней России воспринималась как ядро, несущая конструкция, вело к распаду привычной картины мира и ставило перед обществом сложную задачу переосмыслить себя в новой ситуации (тем более что в отличие от европейских государств, реализовавших

после распада своих империй проект европейской интеграции, постсоветская Россия очень скоро ощутила свое геополитическое одиночество⁶). К этому добавились серьезные пертурбации в самых разных сферах жизни, от идеологии до экономики, которые также не способствовали ясности в головах. Не случайно большинство постсоветских государств также в той или иной мере сталкиваются с кризисом идентичности и недостатком общегражданской солидарности – общим местом стал пример Украины с ее разделением на Восток и Запад; но есть еще Молдова, где конкурируют друг с другом две противостоящие идентичности, румынская и молдавская (часть жителей страны считает себя принадлежащей к некогда разделенной румынской нации, другая – отстаивает проект сохранения отдельной молдавской нации⁷); есть Таджикистан, где ведутся похожие дебаты (правда, в основном, среди интеллектуалов) о том, стоит ли считать таджиков частью «великой иранской нации», что открывает перспективы «присвоения» персидского культурного и исторического наследия или все-таки следует ориентироваться на собственную таджикскую идентичность, настаивать на ее отличии от иранской⁸. Можно приводить и другие примеры, но факт заключается в том, что кризис идентичности в той или иной степени – это общая проблема для многих постсоветских государств, прошедших через сложные трансформации 1990-х гг. и не завершивших до сих пор процесс нациестроительства. Хотя, разумеется, каждый постсоветский случай имеет свою специфику, а российский – тем более, хотя бы потому, что у нас в общественном сознании *остаётся совершенно неотрефлексированным сам характер постсоветской трансформации* – мы ушли от советской системы, с этим все понятно, а вот куда мы в итоге пришли? Другие части бывшего СССР могут, по крайней мере, апеллировать к факту обретения своей национальной государственности на развалинах советской империи. Россия как наследница «метрополии» лишена и этой возможности.

7 Теперь, определившись с сутью рассматриваемой проблемы, перейдем к разговору о возможностях ее решения. И здесь хотелось бы сначала рассмотреть те рецепты, которые обычно предлагаются российскому обществу в данной ситуации. Выше я уже выражал свое скептическое отношение к призывам установить некий мировоззренческий ориентир для российского общества в виде национальной идеи/государственной идеологии, а также к попыткам нащупать пути движения к ценностному консенсусу. Поскольку именно вокруг этих двух вариантов строится аргументация многих авторов, размышляющих о кризисе российской идентичности, самое время подробнее объяснить, почему они представляются мне малопродуктивными. *Тупики национальной идеи*

8 Как известно, впервые в постсоветской истории задачу поиска национальной идеи на самом высоком уровне провозгласил еще президент Б.

Ельцин в 1996 г. Поставленная цель так и не была достигнута, тем не менее, сама мысль о том, что российское общество не сможет выйти из состояния «духовной неопределенности»⁹ без какой-то общезначимой доктрины продолжает оставаться весьма популярной. В этом легко убедиться – сделав в базе данных российских научных журналов запрос по ключевым словам «национальная идея» и «государственная идеология», вы получите пугающе длинный список статей, авторы которых сетуют на то, что «деидеологизация российского общества привела к деградации всех [его] сфер и структур»¹⁰, что без «общеразделяемой, легитимной идеологии» российское общество и государство «нежизнеспособны»¹¹, что сегодня особенно остро ощущается «потребность в четком определении миссии нации»¹² и т.д.

9 Что на это можно возразить? По-моему, сам по себе процесс многолетнего поиска национальной идеи является наиболее красноречивым аргументом против совершаемого предприятия. Ведь если национальная идея – это некий набор смыслов и убеждений, разделяемых всеми членами общества, если это концентрированное выражение национального самосознания, то тогда совершенно непонятно, зачем национальную идею нужно искать и формулировать. Она должна естественным образом вырастать из общества и быть более или менее очевидной для всех. Но все дело в том, что нации крайне редко и на очень непродолжительное время бывают всецело охвачены каким-то общим чувством, стремлением, целью, и то, что выдается за национальную идею, обычно является не более чем элитарным интеллектуальным продуктом (примером этого может служить концепция «Москва – Третий Рим»¹³). Поэтому даже если подобная доктрина и будет сформулирована в постсоветской России, на выходе мы получим абсолютно искусственную конструкцию, которая либо останется пустым лозунгом, либо, будучи каким-то образом институционализированной и поддержанной властью, окажется не чем иным, как государственной идеологией. Последний вариант мало того, что прямо противоречит Конституции, так еще и наводит на очевидные вопросы о том, что делать с теми, кто не испытывает должного энтузиазма от провозглашенной национальной идеи; кто будет следить за лояльностью граждан в идеологической сфере; какова будет судьба всех альтернативных идеологических концепций и т.д. Репрессивный потенциал такого творчества на идеологической ниве очевиден – как заметил Ч. Кукатас, «стремление к единству всегда порождает несогласие, а это, в свою очередь, лишь сильнее взывает к подавлению тех, чье мышление не соответствует норме»¹⁴.

10 По счастью, опасность всех этих идеологических изысканий сполна компенсируется их интеллектуальной беспомощностью, не случайно современные апологеты национальной идеи сталкиваются с проблемой ее внятного формулирования, предпочитая использовать весьма туманные фразы вроде «традиционных для российского общества ценностей»¹⁵, которые должны

лечь в основу национального единства¹⁶. Кто-то пытается конкретизировать содержание национальной идеи, но понятнее от этого не становится – в призывах к формулированию «идеологии консолидации»¹⁷, «идеологии социального гуманизма»¹⁸, равно как и в лозунгах типа «безопасность, идентичность и справедливость, стабильность»¹⁹ не больше ясности, чем в «традиционных ценностях». Из этой же серии рассуждения о том, что национальная идея должна «исходить из приоритетов мировоззрения, присущих жителям России независимо от национальности и вероисповедания, россиянам с разными политическими убеждениями»²⁰ (разумеется, без объяснения, в чем состоят эти самые «приоритеты»). Встречаются и совсем уж экзотические предложения сделать национальной идеей задачу сохранения и развития русского языка²¹ и даже выпуск качественной продукции отечественного производства²².

11 Порой создается ощущение, что авторы сами до конца не понимают, что же конкретно можно предложить в качестве национальной идеи, но исходят из непоколебимого убеждения в том, что она обязательно *должна быть*, чтобы каким-то чудодейственным образом оздоровить моральный климат российского общества и разом решить все его проблемы. Хотя, казалось бы, трагический опыт XX в. должен был привить стойкий иммунитет к разного рода государственным идеологиям и общеразделяемым доктринам, тем более что, как опять же показала история СССР, формальное наличие «единственно верного» учения вовсе не делает общество по-настоящему консолидированным (достаточно вспомнить степень девальвации коммунистической идеологии к началу 1980-х гг.).

12 *Достигнем ли ценностный консенсус?*

13 Перейдем теперь к обсуждению другой интересующей нас позиции, согласно которой для преодоления кризиса идентичности в постсоветской России необходимо обязательное наличие ценностного консенсуса. Действительно, значительная часть авторов, обсуждающих моральный кризис российского социума, исходит из представления, что нормальным состоянием любого общества является его *интегрированность на основе общих ценностей и идеалов*, которые должны цементировать политическую нацию, придавать ей целостность и устойчивость. Соответственно, наблюдаемая в России ситуация ценностного раскола кажется им неестественной и подлежащей устранению. Так, в сборнике, вышедшем под эгидой ИМЭМО РАН, среди факторов, которые определяют потенциал любого государства, указывается наличие «общих ценностных ориентиров национального сообщества»²³, в другом авторитетном издании констатируется, что «общество, утратившее общие цели и смыслы, нестабильно»²⁴. На отсутствие «в [русском] обществе массового нравственного идеала, который мог бы реально обеспечить нравственное и организационное единство» сетовал А.С. Ахиезер²⁵. Надо признаться, что и

автор данной статьи несколько лет назад разделял критикуемую им сейчас точку зрения²⁶.

14 Насколько же оправдано негативное отношение к ценностной фрагментированности обществ? По всей видимости, нормативный идеал в виде культурно- и ценностно-гомогенного общества имеет два основных истока. Первый – это представление об обществе как о некоей органической целостности, идущее еще от основателей социологии О. Конта и особенно Э. Дюркгейма, а позднее развитое в структурном функционализме Т. Парсонсом. В классической социологии консенсус по поводу базовых ценностей виделся «постоянным, структурным свойством» любого здорового общества²⁷ – Дюркгейм писал в этой связи о «коллективном или общинном сознании», которое образует «совокупность верований и чувств, общих в среднем членам одного и того же общества»²⁸, а Парсонс рассуждал о «согласованных ценностных приверженностях» членов общества, без которых невозможен социальный порядок²⁹. Второй исток – это идущая из XIX в. идея нации как политического и культурного единства (по известному определению Э. Геллнера, основной императив национализма состоит в соединении культурных и политических границ³⁰).

15 Однако в последние десятилетия эти положения стали активно пересматриваться – вместо представлений о мире, состоящем из гомогенных наций, каждая из которых объединена общей унифицирующей культурой, приходит идея «управления разнообразием/различиями» (“diversity management”) в рамках политических сообществ³¹. На переосмысление доминирующих взглядов на культурную сферу сильно повлияла массовая миграция в страны глобального Севера в послевоенный период, а также начавшаяся параллельно с этим борьба за признание со стороны ЛГБТ-сообщества, феминисток, этнических и расовых меньшинств (то, что в англоязычной литературе получило название “the politics of recognition”³²). Так, в США в 1960-е гг. в качестве неотъемлемой части американского общества признается африканская культура. Если раньше выразителями настоящего «американского духа» считались только люди, относящиеся к категории WASP (аббревиатура, которая обозначает белого протестанта англо-саксонского происхождения), то в 2009 г. президент Б. Обама заявил в своей инаугурационной речи, что «мы – нация христиан и мусульман, евреев и индусов, а также неверующих. Мы сформированы всеми языками и культурами, брали что-то из всех уголков земли»³³. На смену идеологии «плавильного котла» с его ассимиляционизмом приходит образ «салатницы». Аналогичным образом в 1970-е гг. происходит отход от концепта «белой» Австралии и Новой Зеландии (в последнем случае вторым государственным языком страны стал язык коренного народа маори), возникает канадский мультикультурализм, который превратился в важную часть национальной

идентичности. Иными словами, если раньше национальные государства старались нивелировать, затушевывать культурные и ценностные различия внутри себя, то теперь наоборот разнообразие зачастую сознательно демонстрируется в публичном пространстве, сама «тема разнообразия стала неотъемлемой частью [западного] политического дискурса³⁴».

16 Среди влиятельных академических авторов, много сделавших для преодоления устоявшихся представлений об обществе как едином целом, можно назвать Сейлу Бенхабиб, Чандрана Кукатаса, Шанталь Муфф. Первая предложила рассматривать все существующие культуры как набор «конкурирующих нарративов», как «многоголосые, многоуровневые, расколотые на части системы действия и смыслотворчества»³⁵. Иллюстрируя эту мысль С. Бенхабиб, российский исследователь В.С. Малахов задается вопросами: «Кого считать более адекватным выразителем немецкой культуры в XX столетии – Эрнста Юнгера или Эриха Ремарка? Где точнее проявляется сущность "немецкости" – в произведениях Рихарда Вагнера, Мартина Хайдеггера, Карла Шмита и Лени Рифеншталь или в произведениях Пауля Хиндемита, Генриха Белля, Теодора Адорно и Райнера Фассбиндера?»³⁶. Понятно, что вопросы эти – риторические, ибо все названные персонажи, какие бы разные ценности они не воплощали в своем творчестве, являются неотъемлемой частью немецкой культуры.

17 В свою очередь, Ч. Кукатас также подчеркивает, что внутри национальных границ не существует никакого реального ценностного единства, поскольку любому обществу, так или иначе, свойственно религиозное, культурное, моральное, эстетическое и прочие виды разнообразия. Современное общество разделено на левых и правых, на консерваторов и прогрессистов, на сторонников легализации аборт, однополых браков и ревнителй «традиционной семьи», на верующих и агностиков и т.д. Соответственно, публичная сфера – это не «воплощение устоявшейся точки зрения на мораль (курсив авт.)», а место взаимодействия разных «образов жизни», интересов и «представлений о благе и истине»³⁷. Отсюда образ «либерального архипелага» как совокупности сосуществующих сообществ, отношения между которыми должны регулироваться принципом «взаимной толерантности». Наконец, Ш. Муфф в своей модели агонистической демократии доказывает, что подлинная задача демократической политической системы состоит не в устранении разногласий в обществе и достижении некоего устойчивого консенсуса (что невозможно в принципе), а в институционализации конфликта, в гарантированности существования различий и антагонизмов, в конкуренции и столкновении политических проектов, ценностей и «этико-политических принципов»³⁸.

18 Нельзя не упомянуть и о социологических исследованиях, в которых еще во второй половине 1960-х гг. было показано, что довольно глубокие

ценностные различия порождает классовая дифференциация современного общества³⁹. Особого внимания здесь заслуживает статья Майкла Манна⁴⁰, который, анализируя данные социологических исследований в США и Великобритании (в странах, которые традиционно считаются примерами сплоченных обществ и стабильных либеральных демократий), указывал на то, что в американском и британском обществах существуют глубокие ценностные расколы, обусловленные разностью доходов, образования и пр. Вывод Манна состоял в том, что существующий социальный порядок держится вовсе не на ценностном консенсусе, а всего лишь на пассивности масс, которые не видят какой-либо альтернативы существующему статус-кво – в терминологии самого Манна мы имеем дело не с «нормативным», а с «прагматическим принятием» существующего порядка массами населения. Известны также исследования, которые делают акцент на межполовых и межпоколенческих расхождениях в ценностях, присущих, например, такому, на первый взгляд, гомогенному обществу как южнокорейское⁴¹.

19 Получается, что идеал ценностно-гомогенного общества оказывается далек от своего воплощения даже в тех странах, которые мы привыкли считать примерами классических национальных государств. Поэтому хотя коммунитаризм в лице М. Сандела, А. Макинтайра и пр. продолжает защищать идею общих ценностей, социальных практик и единой культурной традиции⁴², в действительности, говоря о ценностях, лежащих в основании того или иного общества, мы можем апеллировать только к максимально абстрактным идеалам вроде свободы, республиканизма, «американской мечты» и т.д.

20 Исходя из всего сказанного, мы можем заключить, что возможность ценностного и культурного единства социума не стоит переоценивать. Современному российскому обществу, конечно, не хватает некоторой ясности в самопонимании, в определении того, что часто называют «образом желаемого будущего», однако его ценностная фрагментированность не является каким-то паталогическим исключением на общем фоне. Скорее пресловутый «социокультурный раскол» оказывается *естественным* в стране, которая представляет собой «мир миров» и «страну стран»⁴³, по известному выражению М.Я. Гефтера; в стране, вмещающей в себя такое разнообразие культур, религий и укладов жизни, которому могли бы позавидовать многие другие мультикультурные общества. Пытаясь как-то осмыслить эту социокультурную сложность нашей страны, экономист Н. Зубаревич еще несколько лет назад выступила со своей концепцией «четырех Россией» (городов-миллионников, средних промышленных городов, депрессивной периферии малых городов и поселков, а также дотационных регионов Северного Кавказа и Южной Сибири)⁴⁴. Каждая из этих «Россий» отличается от остальных не только уровнем социально-экономического развития, но и набором доминирующих ценностей и ориентаций – политическая культура жителя мегаполиса,

периферийного моногорода, среднерусской деревни и дагестанского аула не могут не различаться. Выводы Зубаревич в целом подтверждают и ученые из Института социологии РАН, хотя их деление менее дробное – они выделяют две России: «традиционалистскую» (малые и средние города, сельская местность) и «регионы-рыночники» (мегаполисы, крупные города)⁴⁵. Возможность достижения ценностного консенсуса в данных условиях выглядит не меньшей утопией, чем поиск национальной идеи.

21 *Другой путь к национальному согласию*

22 В заключительном разделе хотелось бы сформулировать ряд тезисов, которые, с одной стороны, подвели бы черту под всем тем, чтобы было высказано выше, а, с другой – позволили бы наметить возможную альтернативу критикуемым в этом тексте позициям.

23 *Тезис первый. Преодоление кризиса идентичности в постсоветской России невозможно ни через поиск национальной идеи, ни на основе некоего набора интегрирующих ценностей и установок.* Оба эти варианта плохи тем, что они стремятся искусственно нивелировать разнообразие внутри российского общества, сделав акцент на какой-то одной стороне российской идентичности вместо того, чтобы смотреть на нее как на «сложную многосоставную композицию»⁴⁶. Когда в свое время премьер Великобритании Гордон Браун попытался инициировать кампанию по определению сущности «британскости», он вызвал тем самым острую критику, которая строилась на том, что жители Соединенного Королевства не нуждаются в объяснениях по поводу того, «что значит быть британцем»⁴⁷. Думается, что и наше общество вряд ли испытывает потребность в такого рода разъяснениях, и использование тут любых эксклюзивных критериев, от лояльности национальной идее до соответствия неким «базовым морально-нравственным ценностям» российского народа⁴⁸, несет в себе конфликтный потенциал, а потому будет в действительности лишь *препятствовать* складыванию национального консенсуса.

24 Кроме того, принципиально важным является тот факт, что любые унитаристские стратегии ставят под угрозу фундаментальное право каждого человека свободно определять себя и подвергать критике любые доктрины, взгляды, образы жизни и т.д. Представление о государстве как о сообществе людей, обязанных разделять общие цели и ценности⁴⁹ видится мне гораздо менее предпочтительным либерального принципа «нейтральности» государства, в рамках которого последнее призвано, прежде всего, обеспечивать защиту базовых прав и свобод человека, а не отстаивать определенную «концепцию блага» (в формулировке Дж. Ролза), какие-то религиозные, моральные и пр. доктрины. Хотя автор отдает себе отчет в том, что принцип «нейтральности» вряд ли может быть реализован до конца (на

критике мнимой «нейтральности» либеральных демократий во многом строилась упоминаемая выше борьба за признание со стороны меньшинств) – скорее перед нами некая фикция, нормативный идеал, на который, тем не менее, стоит ориентироваться⁵⁰.

25 Между тем, консолидация российскому обществу все-таки необходима, ведь при всем его разнообразии должно быть что-то, что его объединяет, конституирует в качестве единого целого, что позволит преодолеть нынешнюю атомизацию и низкий уровень социального капитала. И мой *второй тезис заключается в том, что для национальной консолидации вполне достаточно выраженного чувства принадлежности к политическому сообществу, ответственности за его судьбу*. Этот ориентир для коллективной самоидентификации представляется гораздо менее конфликтным и проблематичным, чем национальная идея или набор базовых ценностей. Его суть можно сформулировать следующим образом: возможно, мы не разделяем общих ценностей и идеалов, да и вообще можем по-разному смотреть на многие вещи, и уж тем более мы не вдохновляемся национальной идеей, представлением об определенной миссии нашего народа и прочей метафизикой, но при этом мы осознаем *общий интерес* организации нормального общежития в границах российского государства. Родившись и/или проживая в этой стране, мы связываем с ней наши жизненные стратегии, поэтому мы хотим социальной справедливости, равенства перед законом, защиты прав и свобод человека для всех россиян – коммунистов и либералов, западников и «самобытников», верующих и агностиков, русских и представителей других этнических групп.

26 Во многом это близко к ролзовской концепции «перекрестного консенсуса», который формируется поверх всех религиозных, политических, моральных и прочих разногласий и основывается на идее политической справедливости⁵¹. Дж. Ролз отмечал, что таким образом у сообщества появляется *общая цель* как фундамент социального единства (причем цель, понимаемая и принимаемая всеми людьми на уровне здравого смысла), но при этом ему не навязывается некая «всеобъемлющая доктрина».

27 Эту позицию достаточно критиковали за то, что она предлагает слишком слабое основание для единства политического сообщества⁵², однако, во-первых, коммунитаристская альтернатива представляется еще более уязвимой для критики (о чем шла речь выше), а, во-вторых, ничто не мешает усилить ориентацию на политическое сообщество набором неких позитивных символов, которые привнесли бы эмоциональную составляющую, важную для его конституирования. И, думается, что здесь, в первую очередь, на помощь может прийти культура, *осознание принадлежности к российскому культурному универсуму*. Культурное наследие – это то, в рамках чего мы все, так или иначе, социализируемся; то, что, с одной стороны, отделяет нас от

других, способствуя формированию «Мы-сообщества», а, с другой – создает возможность для диалога с Другим. Культурное наследие, не будучи само по себе идеологически нейтральным, все же не вызывает острых политических споров (скажем, Достоевского-писателя любят люди различной политической ориентации, не взирая на его ультраконсервативные взгляды), и в этом огромное преимущество культуры перед менее инклюзивными ресурсами для выстраивания российской идентичности. Таким образом, культуру (в самом широком смысле слова, включая сюда и русский язык как важнейший инструмент коммуникации в рамках российского политического сообщества) можно рассматривать как одну из основ для формирования чувства солидарности и общности между согражданами. *Третий тезис. В отличие от движения к ценностному консенсусу или обретению национальной идеи, задача формирования общегражданской идентичности на почве осознания общего интереса и принадлежности к общей культуре мало того, что не выглядит недостижимой, но она уже постепенно реализуется, хотя на этом пути предстоит сделать еще очень многое.* Например, как показывают опросы, в среднем по стране 95% населения идентифицирует себя в качестве россиян, при этом 72% ощущают эту идентификацию «в значительной степени». Важно также, что общероссийская идентичность – наиболее сильная среди других значимых идентичностей (например, с людьми той же национальности ощущают связь «в значительной мере» 51%, с людьми той же веры – 42%⁵³). Если сравнивать эти цифры с результатами начала 1990-х гг.⁵⁴, то прогресс на пути к гражданской нации очевиден. Стоит также обратить внимание на данные опроса, проведенного несколько лет назад – согласно ему, на вопрос «Что из перечисленного в истории нашей страны вызывает у Вас чувство гордости?», 59% респондентов ответили «ведущая роль страны в освоении космоса», 51% – «достижения российской науки», 48% – «великая русская литература»⁵⁵ (первое место занял ответ «победа в ВОВ»). Это и есть те самые неполитизированные символы, вокруг которых может выстраиваться национальный консенсус.

28 Внушает определенный оптимизм и тот факт, что сегодня в сознание большинства россиян уже вошли такие базовые ценности современного общества как частная собственность, рыночная экономика, свобода и др.⁵⁶ Это значит, что сформированы некоторые рамки для общенациональной дискуссии – скажем, мы можем спорить по поводу того, насколько велико должно быть участие государства в экономике, каковы приоритеты социально-экономического развития и т.д., но при этом призывы к возвращению планового хозяйства советского образца уже вряд ли найдут поддержку у значительной части населения; точно также обстоит дело с понятием «демократия», которое хотя и остается не до конца проясненным в общественном сознании, однако все равно воспринимается большинством россиян как неизменное благо (лишь 20% респондентов не согласны с утверждением, что «Демократические процедуры

очень важны для организации в обществе нормальной жизни»⁵⁷).

29 В то же время рисовать совершенно благостную картину было бы неправильно – общероссийская идентичность до сих пор сталкивается с целым рядом серьезных вызовов, некоторые из которых упоминались в самом начале статьи (низкий уровень доверия и солидарности между нашими согражданами, вызовы со стороны этнонационализма и пр.). Возможно, читатель увидит нестыковку между приведенными ранее данными, в соответствии с которыми для подавляющего большинства респондентов важна самоидентификация в качестве россиян, и сохранением в обществе этнонационалистических установок. Но, на самом деле, никакого противоречия тут нет. Все дело в том, что, как отмечают многие социологи, общероссийская идентичность государствоцентрична, т.е. для многих людей осознавать себя в качестве россиянина означает, в первую очередь, идентифицироваться с *российским государством*, а не с другими согражданами. Поэтому для укрепления чувства солидарности и вовлеченности в общее дело необходимо дополнить эту ориентацию на государство развитием горизонтальных связей в обществе. В этом смысле не может не вызывать беспокойства то, что основные тренды последних лет в политической сфере развиваются в прямо противоположном направлении – в сторону демонтажа многих гражданских институтов и практик, в т.ч. на локальном уровне (например, повальная отмена мэрских выборов по всей стране) и блокирования автономных от государства форм коллективного действия.

30 Национальному консенсусу препятствует также значительное социальное неравенство, которое остается серьезной проблемой постсоветской России – до сих пор большая часть населения страны может быть отнесена к категории малообеспеченных, а доля тех, кого можно рассматривать в качестве среднего класса, не превышает 15%⁵⁸. В этих условиях часть россиян до сих пор осознает себя в качестве проигравших от реформ 1990-х гг. и испытывает сложные чувства по отношению к «победителям» (скажем, итоги приватизации 1990-х гг. общественное мнение так и не признало справедливыми). То, что общегражданская солидарность невозможна в условиях высокой социальной дифференциации, отмечал еще Т. Маршалл – он указывал, что полноценного института гражданства не может быть без возможности для людей жить в соответствии с основными жизненными стандартами данного общества и рассчитывать на справедливую долю от «общественного пирога», следовательно, гражданские и политические права должны быть непременно дополнены правами социальными⁵⁹. Поэтому столь опасной представляется наметившаяся тенденция к сворачиванию социального государства в России (растущая коммерциализация медицинских и образовательных услуг). Очевидно, что добиться позитивной самоидентификации людей со своей страной можно только при наличии благоприятной для жизни

институциональной, культурной и социальной среды. А если Россия и дальше будет занимать места во второй сотне международных рейтингов коррупции, качества жизни, эффективности здравоохранения и пр., то никакие государственные программы по укреплению патриотизма не помогут культивированию чувства национальной гордости.

³¹ Также россиянам крайне важно выработать понимание того факта, что демократический социум конституирует не идиллическое согласие всех со всем, не единомыслие, а *общее поле дискуссий, столкновений и антагонизмов*, и никакие твердые и окончательные договоренности относительно прошлого, настоящего и будущего страны невозможны в принципе. Единственный консенсус, который желателен – это «согласие на существование определенных процедур взаимодействия людей, несогласных друг с другом по важным вопросам»⁶⁰. Иными словами, интерес каждого из нас состоит не в победе какой-то одной точки зрения над остальными (потому что может победить не та, которую лично мы разделяем), а в создании условий, при которых все мнения могут быть услышаны и при которых они могут свободно сосуществовать в публичном пространстве. Как верно заметил А.А. Карамурза: «Проблема сегодня... состоит не в том, чтобы побыстрее получить хоть какой-нибудь "право-левый синтез" и соответствующую ему идеологию..., а в том, чтобы прежде всего *"окультурить" сам спор разных общественных сил в России* (курсив мой – Д.Л.)»⁶¹. Приходится с сожалением констатировать, что общественная атмосфера в сегодняшней России вовсе не способствует развитию культуры диалога и взаимного уважения различий, вместо этого мы видим повышенную агрессивность в публичном пространстве, стремление монополизировать истину, а оппонентов представить в качестве «отщепенцев», «пятой колонны», «православнутах» и т.д. Никакая национальная консолидация в таких условиях невозможна – двигаясь по нынешнему пути, российское общество всегда будет представлять собой совокупность враждебных друг другу субкультур (либеральной, лево-патриотической, правоконсервативной и т.д.), взаимодействие которых между собой будет рассматриваться их представителями в логике игры с нулевой суммой.

³² Когда-то Э. Ренан произнес известные слова о том, что нация – это «ежедневный плебисцит», на который постоянно выносятся вопросы о том, хотят ли ее члены жить вместе. Этот текст стал попыткой доказать, что российскую нацию может конституировать не национальная идея, не набор разделяемых всеми ценностей, а только стремление к совместной жизни, сознание общего интереса и, если угодно, общей судьбы живущих в России людей. Мною были обозначены некоторые подвижки в этом направлении, равно как и многочисленные препятствия – от катастрофического социального неравенства в стране до неразвитости горизонтальных связей и институтов самоорганизации в российском обществе. Конкретные рецепты, призванные

помочь национальной консолидации в России, необходимо и дальше искать, обсуждать и прорабатывать, главное, чтобы эти поиски не шли по тупиковому пути идеологического единомыслия и ложно понятого консенсуса в ценностной сфере.

Примечания:

1. Вот лишь некоторые работы из обширного корпуса текстов: Малинова О.Ю. Актуальное прошлое: символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М.: Политическая энциклопедия, 2015; Кравченко Н.Ю. Российская гражданская идентичность: опыт социологической реконструкции. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2014; Политическая идентичность и политика идентичности в 2 т. М.: РОССПЭН, 2012. Т. 2; Тихонова Н.Е. Становление новой российской идентичности: опыт эмпирического анализа // Идентичность как предмет политического анализа: сб. ст. по итогам Всероссийской науч.-теор. Конф. (ИМЭМО РАН, 21-22 октября 2010 г.) / Отв. ред. И.С. Семенов, Л.А. Фатеева. М.: ИМЭМО РАН, 2011; Морозов В.Е. Россия и Другие: идентичность и границы политического сообщества. М.: НЛЮ, 2009; Рубцов А.В. Российская идентичность и вызов модернизации. М.: Экон-Информ, 2009; Российская идентичность в Москве и регионах / Отв. ред. Л.М. Дробижина. М.: Институт социологии РАН; МАКС Пресс, 2009; Зверева Г. Как «нас» теперь называть? Формулы коллективной самоидентификации в современной России // Вестник общественного мнения. 2009, №1(99); Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России / Отв. ред. В.С. Магун. М.: Институт социологии РАН, 2006; Паин Э. Проблемы самоидентификации россиян со страной, с регионом, с этнической общностью // Проблемы идентичности: человек и общество на пороге третьего тысячелетия. М.: РОО «Содействие сотрудничеству Института им. Дж. Кеннана с учеными в области социальных и гуманитарных наук», 2003.
2. Например, диаметрально противоположные нарративы о Гражданской войне в южных и северных штатах США и вообще известный разнобой в преподавании истории даже на уровне отдельных школ до сих пор не привели к сколько-нибудь катастрофическим последствиям для Америки. См.: Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М.: Книжный клуб «36,6», 2014. С. 351-381.
3. Малинова О.Ю. Конструирование смыслов: исследование символической политики в современной России. М.: ИНИОН РАН, 2013. С. 230.
4. Только 18% опрошенных россиян считают, что большинству людей можно доверять, те же 18% согласны объединяться с другими людьми для решения общих проблем, готовность помогать друг другу проявляют 25% жителей России. См. Мерсиянова И.В. Российское гражданское общество в региональном измерении. [Электронный ресурс]. Режим доступа: [http://wciom.ru/fileadmin/Monitoring/92/2009_4\(92\)_3_Mersyanova.pdf](http://wciom.ru/fileadmin/Monitoring/92/2009_4(92)_3_Mersyanova.pdf) (дата обращения – 26.09.2016).
5. Холодковский К.Г. Проблемы и противоречия российской идентичности // Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 т. / Отв. ред. И.С. Семенов. М.: РОССПЭН, 2012. Т. 2, с. 251.
6. См. интересные сопоставления постимперской ситуации в России и в Европе: Кустарев А.С. После понижения в должности – Британия, Франция, Россия // Наследие империй и будущее России / Под ред. А.И. Миллера. М.: Либеральная миссия; НЛЮ, 2008.
7. Фурман Д.Е. Молдавские молдаване и молдавские румыны. Доклады Института Европы РАН, №206. М., 2007 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://dmitryfurman.ru/wp-content/uploads/2012/04/МОЛДАВСКИЕ-МОЛДАВАНЕ.pdf>. (дата обращения: 21.08.2016); Соловьев В. Лишь бы не было страны // Коммерсант. 01.04.2018. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3585366> (дата обращения: 29.06.2018).
8. Abashin S. Nation-construction in post-Soviet Central Asia // Soviet and post-Soviet identities / Ed. by M. Bassin. Cambridge University Press, 2012. P. 162.
9. Казакова А.В. Национальная идея как средство формирования национальной идентичности современной России // Альманах современной науки и образования. 2014, №5-6(84). С. 73.
10. Касьянов В.В. Государственная идеология современной России // Общество: философия, история, культура. 2011, №3-4. С. 11.
11. Кулинченко В.А., Коровникова Н.А. Национальная идея как «легитимная идеология» современной России // Власть. 2008, №11. С. 14-15.
12. Алексеев В.В. Национальная идея России: поиски и обретение // Уральский исторический вестник. 2011, № 2(31). С. 17.
13. Подробнее см.: Летняков Д.Э. К вопросу о генеалогии имперского сознания в России // Философский журнал.

2015, Т. 8, №2.

14. Кукатас Ч. Либеральный архипелаг: теория разнообразия и свободы. М.: Мысль, 2011. С. 451.
15. Кулинченко В.А., Коровникова Н.А. Национальная идея как «легитимная идеология» современной России // Власть. 2008, №11. С. 16.
16. Интересно, что понятие «традиционные ценности» в текстах консервативно настроенных авторов часто подается без расшифровки и обязательно в позитивном ключе, как будто любая традиция априори есть нечто продуктивное. Совершенно непонятно, откуда взялось такое убеждение – «Домострой», в котором дается рекомендация мужу о том, как правильно бить жену, тоже своего рода манифест «традиционных ценностей», но нужно ли нам сегодня воспроизводство подобных традиций?
17. Павлов Д.Ю. Государственная идеология как фактор консолидации современного российского общества // Социальная политика и социология. 2011, № 10. С. 269.
18. Касьянов В.В. Государственная идеология современной России // Общество: философия, история, культура. 2011, №3-4. С. 12.
19. Алексеев В.В. Национальная идея России: поиски и обретение // Уральский исторический вестник. 2011, № 2(31). С. 23.
20. Грусман В.М. Социально-культурные аспекты национально-государственной идеи России // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2005, № 2 (8). С. 69.
21. Грибов Л. Национальная идея – выучить русский язык // Высшее образование в России. 2004, №12; Химик В.В. Национальная идея и русский язык // Политическая лингвистика. 2008, №3 (26).
22. Сизикин А.Ю. Возвращение к качеству – волевая национальная идея России // Фундаментальные исследования. 2005, №10.
23. Образ России в мире: становление, восприятие, трансформация / Отв. ред. И.С. Семененко. М.: ИМЭМО РАН, 2008. С. 7.
24. Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, В.В. Петухова. М.: Весь мир, 2011. С. 145.
25. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России). М.: «Новый хронограф», 2008. С. 877.
26. Летняков Д.Э. Ценностный консенсус как фактор консолидации российского общества // Россия на пути консолидации: сб. ст. / отв. ред. А.А. Гусейнов, А.В. Смирнов, Б.О. Николаичев. СПб.: Нестор-История, 2015.
27. Квачев В.Г. Как возможно единство общества? // Управление мегаполисом. 2015, №2 (44). С. 90.
28. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991. С. 80.
29. Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект Пресс, 1998. С. 21.
30. Геллнер Э. Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991.
31. Parekh B. Rethinking multiculturalism: cultural diversity and political theory. NY: Palgrave, 2000; Meissner F., Vertovec S. Comparing super-diversity // Ethnic and Racial Studies. 2015. Vol. 38, No 4.
32. См., напр.: Multiculturalism: examining the politics of recognition / Ed. by Amy Gutman. Princeton – New Jersey: Princeton University Press, 1994.
33. Цит. по: Сафран У. Национальная идентичность во Франции, Германии и США: современные споры // Политическая наука. 2011, №1. С. 68.
34. Вендина О., Паин Э. Многоэтничный город. Проблемы и перспективы управления культурным разнообразием в крупнейших городах. М.: Сектор, 2018. С. 15.
35. Бенхабиб. С. Притязания культуры: равенство и разнообразие в глобальную эру. М.: Логос, 2003. С. XXXV, 31.
36. Малахов В. Культурные различия и политические границы в эпоху глобальных миграций. М.: НЛЮ, 2014. С. 22.
37. Кукатас Ч. Либеральный архипелаг: теория разнообразия и свободы. М.: Мысль, 2011. С. 279.
38. Муфф Ш. К агонистической модели демократии // Логос. 2004, №2(42). С. 195-196.
39. Larson R., Sutker S. Value Differences and Value Consensus by Socioeconomic Levels // Social Forces. Vol. 44, No. 4 (Jun., 1966).

40. Mann M. The Social Cohesion of Liberal Democracy // *American Sociological Review*. Vol. 35, No. 3 (Jun., 1970).
41. Eun-Yeong N., Duckitt J. Value Consensus and Diversity between Generations and Genders // *Social Indicators Research*. 2003, Vol. 62/63, The Quality of Life in Korea: Comparative and Dynamic Perspectives (Apr., 2003).
42. Подробный разбор полемики либералов и коммунитаристов см.: Кимлика У. Современная политическая философия. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2010. С. 270-361.
43. Гефтер М. Третьего тысячелетия не будет. Русская история игры с человечеством. Разговоры с Глебом Павловским. М.: Издательство «Европа», 2015. С. 377. Показательны в контексте нашего разговора следующие слова М. Гефтера: «Акцент на единство должен замениться акцентом на различиях, которые показаны жизни... То есть русский Мир должен внутри себя сорганизоваться... с акцентом на различия» (с. 367-368 этого же издания).
44. Зубаревич Н. Четыре России. Газета «Ведомости». 30.12.2011. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.vedomosti.ru/opinion/news/1467059/chetyre_rossii (дата обращения – 28.09.2016).
45. Рабочая группа ИС РАН. Российская идентичность в социологическом измерении. Аналитический доклад. Часть I. С. 10. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.civisbook.ru/files/File/IS_RAN_2008_1.pdf (дата обращения – 28.09.2016).
46. Рубцов А.В. Российская идентичность и вызов модернизации. М.: Экон-Информ, 2009. С. 45.
47. Гордон Браун занялся толкованием «британскости». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2007/10/28/britishness> (дата обращения: 30.06.2018).
48. Формулировка из президентского послания Федеральному Собранию. См.: Послание Федеральному Собранию РФ Президента России Владимира Путина // *Российская газета – Федеральный выпуск* № 4353. 27.04.2007 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rg.ru/2007/04/27/poslanie.html> (дата обращения: 04.10.2016).
49. Buchanan A. Assessing the Communitarian Critique of Liberalism // *Ethics*, Vol. 99, No. 4 (Jul., 1989) P. 854.
50. Подробнее о самом принципе «нейтральности» государства, а также его критику см.: Macleod С.М. Liberal Neutrality or Liberal Tolerance? // *Law and Philosophy*, Vol. 16, No. 5 (Sep., 1997), pp. 529-559; Прокофьев А.В. Место и характер моральных аргументов в политической практике (идея «моральной нейтральности» политической сферы и ее альтернативы) // *Этическая мысль*. 2005. Вып. 6. С. 142-143.
51. Rawls J. The Idea of an Overlapping Consensus // *Oxford Journal of Legal Studies*, Vol. 7, No. 1 (Spring, 1987), pp. 1-25.
52. См., напр.: Кимлика У. Современная политическая философия. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2010. С. 332-336.
53. Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, В.В. Петухова. М.: Весь мир, 2011. С. 214.
54. Вилков А.А. Идеологический фактор формирования российской политической идентичности // *Идентичность как предмет политического анализа: сб. ст. по итогам Всероссийской науч.-теор. конф. (ИМЭМО РАН, 21-22 октября 2010 г.)* / Отв. ред. И.С. Семенов, Л.А. Фатеева. М.: ИМЭМО РАН, 2011. С. 158-159.
55. Левада Ю. Исторические рамки «будущего» в общественном мнении // *Ищем человека. Социологические очерки, 2000-2005 гг.* М.: «Новое издательство», 2006. С. 66.
56. Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, В.В. Петухова. М.: Весь мир, 2011. С. 161-198.
57. Там же. С. 173.
58. Перегудов С.П. Политическая идентичность и проблемы консолидации российского государства // *Политическая идентичность и политика идентичности* / Отв. ред. И.С. Семенов. М.: РОССПЭН, 2012. Т.2, с. 292.
59. Bloemraad I., Korteweg A., Yurdakul G. Citizenship and Immigration: Multiculturalism, Assimilation, and Challenges to the Nation State // *Annual Review of Sociology*. 2008, Vol. 34. P. 157.
60. Алексеева Т.А., Капустин Б.Г., Пантин И.К. Перспективы интегративной идеологии (Тезисы) // *Полис*. 1997. № 3. С.17.
61. Кара-Мурза А.А. «Либерально-консервативный синтез» как объединительная идеология // *Полис*. 1997, №3. С. 46.
-

Библиография:

- 1.Алексеев В.В. Национальная идея России: поиски и обретение // Уральский исторический вестник. 2011, № 2(31). С. 17-25.
- 2.Алексеева Т.А., Капустин Б.Г., Пантин И.К. Перспективы интегративной идеологии (Тезисы) // Полис. 1997. № 3. С.16-21.
- 3.Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России). М.: «Новый хронограф», 2008. 934 с.
- 4.Бенхабиб. С. Притязания культуры: равенство и разнообразие в глобальную эру. М.: Логос, 2003. 289 с.
- 5.Вендина О., Паин Э. Многоэтничный город. Проблемы и перспективы управления культурным разнообразием в крупнейших городах. М.: Сектор, 2018. 184 с.
- 6.Вилков А.А. Идеологический фактор формирования российской политической идентичности // Идентичность как предмет политического анализа: сб. ст. по итогам Всероссийской науч.-теор. конф. (ИМЭМО РАН, 21-22 октября 2010 г.) / Отв. ред. И.С. Семенов, Л.А. Фатеева. М.: ИМЭМО РАН, 2011. С. 157-161
- 7.Геллнер Э. Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991. 319 с.
- 8.Гефтер М. Третьего тысячелетия не будет. Русская история игры с человечеством. Разговоры с Глебом Павловским. М.: Издательство «Европа», 2015. 398 с.
- 9.Гордон Браун занялся толкованием «британскости». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2007/10/28/britishness> (дата обращения: 30.06.2018).
- 10.Грибов Л. Национальная идея – выучить русский язык // Высшее образование в России. 2004, №12. С. 135-138.
- 11.Грусман В.М. Социально-культурные аспекты национально-государственной идеи России // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2005, № 2 (8). С. 60-70.
- 12.Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, В.В. Петухова. М.: Весь мир, 2011. 325 с.
- 13.Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991. 572 с.
- 14.Зубаревич Н. Четыре России. Газета «Ведомости». 30.12.2011. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.vedomosti.ru/opinion/news/1467059/chetyre_rossii (дата обращения: 28.09.2016).
- 15.Казакова А.В. Национальная идея как средство формирования национальной идентичности современной России // Альманах современной науки и образования. 2014, №5-6(84). С. 73-75.

16. Кара-Мурза А.А. «Либерально-консервативный синтез» как объединительная идеология // Полис. 1997, №3. С. 44-47.
17. Касьянов В.В. Государственная идеология современной России // Общество: философия, история, культура. 2011, №3-4. С. 11-14.
18. Квачев В.Г. Как возможно единство общества? // Управление мегаполисом. 2015, №2 (44). С. 87-92.
19. Кимлика У. Современная политическая философия. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2010. 588 с.
20. Кукатас Ч. Либеральный архипелаг: теория разнообразия и свободы. М.: Мысль, 2011. 482 с.
21. Кулинченко В.А., Коровникова Н.А. Национальная идея как «легитимная идеология» современной России // Власть. 2008, №11. С. 14-18
22. Кустарев А.С. После понижения в должности – Британия, Франция, Россия // Наследие империй и будущее России / Под ред. А.И. Миллера. М.: Либеральная миссия; НЛО, 2008. С. 186-238.
23. Левада Ю. Исторические рамки «будущего» в общественном мнении // Ищем человека. Социологические очерки, 2000-2005 гг. М.: «Новое издательство», 2006. С. 62-75.
24. Малахов В. Культурные различия и политические границы в эпоху глобальных миграций. М.: НЛО, 2014. 227 с.
25. Малинова О.Ю. Конструирование смыслов: исследование символической политики в современной России. М.: ИНИОН РАН, 2013. 420 с.
26. Мерсиянова И.В. Российское гражданское общество в региональном измерении [Электронный ресурс]. Режим доступа: [http://wciom.ru/fileadmin/Monitoring/92/2009_4\(92\)_3_Mersyanova.pdf](http://wciom.ru/fileadmin/Monitoring/92/2009_4(92)_3_Mersyanova.pdf) (дата обращения: 26.09.2016).
27. Муфф Ш. К агонистической модели демократии // Логос. 2004, №2(42). С. 180-197.
28. Образ России в мире: становление, восприятие, трансформация / Отв. ред. И.С. Семенов. М.: ИМЭМО РАН, 2008. 152 с.
29. Павлов Д.Ю. Государственная идеология как фактор консолидации современного российского общества // Социальная политика и социология. 2011, № 10. С. 262-272.
30. Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект Пресс, 1998. 269 с.
31. Перегудов С.П. Политическая идентичность и проблемы консолидации российского государства // Политическая идентичность и политика идентичности / Отв. ред. И.С. Семенов. М.: РОССПЭН, 2012. Т.2. С. 283-306.
32. Послание Федеральному Собранию РФ Президента России Владимира Путина // Российская газета – Федеральный выпуск № 4353. 27.04.2007 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rg.ru/2007/04/27/poslanie.html> (дата обращения: 04.10.2016).

33. Прокофьев А.В. Место и характер моральных аргументов в политической практике (идея «моральной нейтральности» политической сферы и ее альтернативы) // Этическая мысль. 2005. Вып. 6. С. 140-159.
34. Рабочая группа ИС РАН. Российская идентичность в социологическом измерении. Аналитический доклад. Часть I. С. 10. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.civisbook.ru/files/File/IS_RAN_2008_1.pdf (дата обращения: 28.09.2016).
35. Рубцов А.В. Российская идентичность и вызов модернизации. М.: Экон-Информ, 2009. 259 с.
36. Сафран У. Национальная идентичность во Франции, Германии и США: современные споры // Политическая наука. 2011, №1. С. 64-97.
37. Сизикин А.Ю. Возвращение к качеству – волевая национальная идея России // Фундаментальные исследования. 2005, №10. С. 74-75.
38. Соловьев В. Лишь бы не было страны // Коммерсант. 01.04.2018. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3585366> (дата обращения: 29.06.2018).
39. Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М.: Книжный клуб «36,6», 2014. 461 с.
40. Фурман Д.Е. Молдавские молдаване и молдавские румыны. Доклады Института Европы РАН, №206. М., 2007 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://dmitriyfurman.ru/wp-content/uploads/2012/04/МОЛДАВСКИЕ-МОЛДАВАНЕ.pdf>. (дата обращения: 21.08.2016).
41. Химик В.В. Национальная идея и русский язык // Политическая лингвистика. 2008, №3 (26). С. 9-16.
42. Холодковский К.Г. Проблемы и противоречия российской идентичности // Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 т. / Отв. ред. И.С. Семененко. М.: РОССПЭН, 2012. Т. 2. С. 232-257.
43. Abashin S. Nation-construction in post-Soviet Central Asia // Soviet and post-Soviet identities / Ed. by M. Bassin. Cambridge University Press, 2012. Pp. 150-168.
44. Bloemraad I., Korteweg A., Yurdakul G. Citizenship and Immigration: Multiculturalism, Assimilation, and Challenges to the Nation State // Annual Review of Sociology. 2008, Vol. 34. P. 153-179.
45. Buchanan A. Assessing the Communitarian Critique of Liberalism // Ethics, Vol. 99, No. 4 (Jul., 1989) Pp. 852-882.
46. Eun-Yeong N., Duckitt J. Value Consensus and Diversity between Generations and Genders // Social Indicators Research . 2003, Vol. 62/63, The Quality of Life in Korea: Comparative and Dynamic Perspectives (Apr., 2003). Pp. 411-435.
47. Larson R., Sutker S. Value Differences and Value Consensus by Socioeconomic Levels // Social Forces. Vol. 44, No. 4 (Jun., 1966). Pp. 563-569.
48. Macleod C.M. Liberal Neutrality or Liberal Tolerance? // Law and Philosophy, Vol. 16, No. 5 (Sep., 1997), pp. 529-559.

49. Mann M. The Social Cohesion of Liberal Democracy // American Sociological Review. Vol. 35, No. 3 (Jun., 1970). Pp. 423-439.
50. Meissner F., Vertovec S. Comparing super-diversity // Ethnic and Racial Studies. 2015. Vol. 38, No 4. Pp. 541-555.
51. Multiculturalism: examining the politics of recognition / Ed. by Amy Gutman. Princeton – New Jersey: Princeton University Press, 1994. 192 pp.
52. Parekh B. Rethinking multiculturalism: cultural diversity and political theory. NY: Palgrave, 2000. 379 pp.
53. Rawls J. The Idea of an Overlapping Consensus // Oxford Journal of Legal Studies, Vol. 7, No. 1 (Spring, 1987), pp. 1-25.

Opportunities and Prospects of National Consolidation in post-Soviet Russia: Criticism of Holistic Approaches

D. Letnyakov

Senior Research fellow, Institute of Philosophy of RAS

109240, Russian Federation, Moscow, Goncharnaya Str., 12/1

Abstract

The idea of the identity crisis and the lack of national consolidation in post-Soviet Russia has become today the common place of the Russian humanities. With that many researchers suggest that Russian society is want of some kind of national idea or a set of unifying values to overcome this crisis. The author, however, level criticism at such point trying to demonstrate that any society is unimaginable without cultural, value, moral, aesthetic and other types of diversity, and therefore movement towards national consolidation is only possible through the formation of the Russian identity in all its complexity and versatility.

Keywords: identity, national consolidation, Russia, national idea, value consensus, cultural diversity, liberalism, communitarianism

Date of publication: 01.08.2018

Citation link:

Letnyakov D. Opportunities and Prospects of National Consolidation in post-Soviet Russia: Criticism of Holistic Approaches // Polylogos. 2018. V. 2. 2018. Vol. 2. № 2 [Electronic resource]. Access for registered users. URL: <http://polylog.jes.su/s258770110000042-8-1> (circulation date: 01.08.2018). DOI: 10.18254/S0000042-8-1